
Памяти Льва Александровича ДМИТРИЕВА

Д. С. ЛИХАЧЕВ

Лев Александрович Дмитриев

(опыт портрета)

Охарактеризовать, представить читателям облик Льва Александровича необыкновенно трудно: он был скромен и никак не стремился проявить себя в каких-либо запоминающихся поступках. Он всегда был самим собой, не «показывал себя» и не стремился изобразить свои чувства какими-либо жестами, мимикой, резкими словами.

Будучи уже членом-корреспондентом АН (а в прошлом — боевым офицером), он не носил личину важности. Резко не выражал он и своих чувств — радости или огорчения. Всегда ровный в настроении, он неохотно отрывался от работы или каких-либо домашних дел. Был необыкновенно точен, не торопясь поспевал, но и не приходил слишком рано, как это обычно бывает с людьми нервными и озабоченными. Он был приветлив, но не выражал радости сверх меры. В нем не было заметно стремления возвыситься себя над собеседником или, напротив, желанья понравиться окружающим уступчивостью или излишней любезностью.

Ровный в обращении со всеми, он вызывал к себе искреннее уважение и тех, кто с ним соглашался, и тех, кто не разделял его взглядов.

Единственно, в чем он стремился превозмочь себя, — это в выражении своих горьких чувств по поводу утраты близких. Он стремился также скрыть свою усталость, свое порой плохое самочувствие, а когда бывал чем-либо недоволен, то выражал свое недовольство откровенно. Но в очень серьезных случаях он становился как бы другим, мог вспылить, громко и резко высказаться, никого не боясь и не стесняясь.

Научные интересы Льва Александровича строго соответствовали его скромному внешнему облику, его манере держаться. Он любил древнерусскую литературу, русский фольклор как таковой, а не свои мнения и идеи по тому или иному вопросу фольклористики и русистики. Он не принадлежал к типу ученых «открывателей» (хотя открытий у него было достаточно много), а был типичным научным работником. Наибольшее значение он придавал научным изданиям памятников, выполняя их как для ученых, так и для широких читателей, которых считал достойными тщательно изданных и кропотливо откомментированных текстов. Он любил хорошее спокойное оформление книги, любил самый процесс создания книги на всех его стадиях и поэтому часто дружил с издательскими работниками, среди которых в его времена было немало превосходных специалистов-книжников. Издатели книг, любившие свое дело, были его друзьями. Красоту

книги он ценил как удобство обращения с нею. Он радовался изданиям, которые были удобны для домашних библиотек, которым было место на столе у ученого, и тем, что должны были быть в библиотеках, а также на школьной парте.

Стоит поговорить и о его личных вкусах в чтении для отдыха. Он любил литературу «для народа», охотно читал народные сказки — сказки всех народов. Читал классиков, особенно русских, не гоняясь за модными авторами.

Я не берусь перечислять все, что он любил читать «для себя», но вспоминаю, что делился он со мною впечатлениями от чтения Бунина, Л. Толстого, Зайцева, Шмелева, Лескова, русских мемуаров...

Он читал и читал своих учителей по университету — особенно Томашевского, Эйхенбаума.

Он был верным другом и хорошим товарищем, преданным учеником своих университетских учителей. Он был всегда готов отправиться в Москву, в Псков, в Петрозаводск на семейные праздники друзей. Помнил все семейные праздники и аккуратно слал поздравления.

Он был красив: помню внимательный взгляд его синих глаз. Всегда скромно одетый в пиджачный костюм какого-то неопределенного цвета со скромным галстуком.

Разговаривая с посетителями в Отделе, он был деловит и никогда не затягивал разговора дольше, чем это было нужно для решения вопроса. Тем самым он экономил время — и себе и собеседнику.

Когда теперь я прихожу в Отдел и сажусь за свой стол, я неизменно вспоминаю Льва Александровича, чей стол, никем не занятый, стоит впереди моего (мы не мешали друг другу, нам даже удобнее было сидеть в одной комнате). Мне всегда кажется, что Лев Александрович все еще сидит на своем стуле с круглой подушкой, вот-вот обернется и спросит меня о чем-либо, внимательно смотря на меня из-под мохнатых бровей. «Так мы будем организовывать очередную выездную сессию Отдела весной в Вологде? Приглашают!».